

Трансцендентальный журнал. 2013-2021

ISSN 2713-2668

URL - <http://transcendental.ru>

Все права защищены

Выпуск 1 Том 2. 2021

Как быть реалистом относительно идеализма Канта? (пер. М. Ровбо)

Розефельд Тобиас

*Берлинский университет имени братьев Гумбольдт
Германия, Берлин*

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о том, позволяет ли трансцендентальный идеализм Канта объяснять апостериорные аспекты ментального содержания свойствами эмпирических предметов. Вначале я показываю, что ответ феноменалистов на данный вопрос весьма проблематичен, если предположить, что мы воспринимаем предмет как красный или как кубический отчасти потому, что сам воспринимаемый предмет таков, т. е. что он красный и кубический. Затем я предлагаю свою интерпретацию, которая дает возможность сохранить за этими утверждениями реалистическую интуицию. Согласно моей интерпретации, кантовские феноменальные свойства понимаются как свойства предметов вне нас, зависимые от нашей реакции на них, притом что предметы также должны обладать и некоторыми независимыми от нас (в себе) свойствами. Я показываю, что подобная интерпретация достаточно хорошо подтверждается высказываниями Канта о трансцендентальном предмете в первом издании «Критики чистого разума» и что она также раскрывает, почему Кант объясняет ментальное содержание с помощью эмпирических свойств, одновременно подразумевая его трактовку и с помощью ноуменальных свойств, не вступая при этом в противоречие с тезисом о непознаваемости ноуменов. Все это не только позволяет нам предложить свое реалистическое прочтение кантовского идеализма, но и увидеть рациональное зерно в небезызвестной концепции Адикеса о кантовской теории двойного аффицирования.

Ключевые слова: трансцендентальный идеализм Канта, реализм, содержание опыта, ментальное состояние, (не)зависимое от реакции свойство, трансцендентальный предмет, явление, вещь сама по себе.

Дата публикации: 12.08.2021

Ссылка для цитирования:

Розефельд Т. Как быть реалистом относительно идеализма Канта? (пер. М. Ровбо) // Трансцендентальный журнал. – 2021. – Т. 2. – Выпуск 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://transcendental.ru/s271326680015447-1-1/> (дата обращения: 21.10.2021). DOI:

1. Объясняя содержание опыта

2 Предположим, я воспринимаю красный куб, лежащий передо мной. Мое ментальное состояние (*mental state*) при этом – есть представление (*representation*) с конкретным содержанием. Содержание конкретно в том смысле, что оно отличается от состояния, в котором я бы находился, смотря, например, на синий шар. Здесь возникает закономерный вопрос: почему мое ментальное состояние представления имеет именно то содержание, какое оно действительно имеет? Так, если я действительно воспринимаю куб, а не галлюцинирую и не мечтаю о нем, то убедительный ответ на этот вопрос, по-видимому, будет следующим: мое ментальное состояние представления имеет то содержание, которое оно действительно имеет, отчасти потому, что воспринимаемый мною предмет обладает теми свойствами, которыми он действительно обладает. Конечно, мы можем задаться вопросом, насколько содержание того или иного состояния моего ума (*mind*) может быть обусловлено свойствами воспринимаемого предмета. Например, можно возразить: тот факт, что я представляю куб красным, зависит не только от свойств куба, но и от свойств моей зрительной сенсорной системы. Однако едва ли можно отрицать, что воспринимаемый предмет все же должен играть *некоторую* роль в объяснении того, почему мое состояние именно такое, какое есть. По крайней мере следующее предположение кажется глубоко укорененным в нашем обыденном понимании себя как познающих существ, а именно, что, когда мы воспринимаем предмет, этот предмет хотя бы отчасти отвечает за то, что происходит в нашем уме, а также что именно связь между предметами опыта и содержанием нашего восприятия делают опыт таким ценным инструментом, с помощью которого мы можем узнавать что-то об окружающем нас мире.

3 В этой статье я хочу обсудить не столько то, верно ли это реалистическое предположение о зависимости содержания опыта от предметов опыта, сколько то, может ли такой реализм иметь место в кантовской системе трансцендентального идеализма¹. С самого начала кажется очевидным, что если Кант прав, то мы должны отбросить многие наши повседневные убеждения относительно того, какие свойства нашего ментального содержания зависят от воспринимаемых нами предметов. Например, мы – как правило – думаем, что воспринимаем перед собой куб как протяженный в пространстве и времени отчасти потому, что сам он протяжен в пространстве и времени, тогда как Кант полагает, что эта особенность содержания нашего восприятия целиком обусловлена тем фактом, что пространство и время – наши формы созерцания. Однако это не означает, что Кант не мог допустить зависимость каких-либо иных свойств содержания нашего восприятия от предмета опыта. Например, даже если благодаря априорным формам созерцания я представляю куб перед собой как имеющий *некоторую* пространственную и временную протяженность, эти формы не определяют, что я представляю предмет перед собой кубическим, а не сферическим, меньшим, а не *большим* по размеру, чем большой белый шар позади него. Кажется, что эти апостериорные аспекты моего представления должны все-таки зависеть от воспринимаемого предмета². Этот случай аналогичен случаю с восприятием цветов: даже если устройство моей зрительной системы должно отвечать за то, что я представляю предметы в цвете, то я представляю куб перед собой красным, а не зеленым вовсе не из-за устройства зрительной системы. Опять же, если я не страдаю галлюцинациями и не сплю, то кажется весьма естественным предположить, что именно куб за это отвечает.

4 Итак, давайте на минуту предположим, будто Кант считает, что содержание нашего опыта отчасти определяется теми предметами, с которыми мы сталкиваемся при восприятии мира. Это предположение все же оставляет открытым ключевой вопрос о том, какого рода объяснение содержания ума подразумевается Кантом. Ведь, как хорошо известно, под «предметами, с которыми мы сталкиваемся при восприятии мира», Кант мог иметь в виду две вещи. Либо он мог иметь в виду эмпирические предметы, которые он называет «явлениями» или «феноменами»³, т. е. протяженные в пространстве субстанции,

сохраняющиеся во времени и находящиеся в причинно-следственных отношениях друг с другом. Либо он мог иметь в виду предметы, которые выступают ноуменальными основаниями этих эмпирических предметов, а также нашего опыта, с ними связанного. Их он называет вещами самими по себе и «помещает» вне пространства и времени. Соответственно, мы можем различать следующие две трактовки содержания ума:

5 (i) *Эмпирическую трактовку содержания опыта*, предполагающую, что, находясь в состоянии восприятия, субъект *A* имеет то содержание ума, которое он действительно имеет, отчасти потому, что предметы чувственного опыта *A* – т. е. некие феномены – обладают свойствами, которые у них действительно есть.

6 (ii) *Ноуменальную трактовку содержания опыта*, предполагающую, что, находясь в состоянии восприятия, субъект *A* имеет то содержание ума, которое он действительно имеет, отчасти потому, что предметы, выступающие ноуменальными основаниями чувственного опыта *A*, – то есть некие вещи, как они есть сами по себе – обладают свойствами, которые у них действительно есть.

7 Как мы увидим далее, тексты Канта дают нам право утверждать, что обе трактовки он считал правильными. В настоящей статье я хочу это подтвердить. Это необходимо, поскольку имеются определенные основания полагать, будто обе трактовки противоречат сущности трансцендентального идеализма Канта. Как будет показано, убедительность этих оснований зависит от того, как именно мы интерпретируем трансцендентальный идеализм Канта, и в особенности его различие между явлениями и вещами самими по себе. Таким образом, цель данной статьи также может быть сформулирована как экзегетическое прочтение трансцендентального идеализма Канта, способное вместить обе упомянутые трактовки.

8 Моя стратегия такова. В следующем разделе мы обсудим соображения, берущие начало в ранней рецепции трансцендентального идеализма Канта и нацеленные на то, чтобы показать, что Кант не мог принять ни эмпирическую, ни ноуменальную трактовку апостериорного содержания опыта, не впадая при этом в противоречие по отношению к некоторым своим наиболее фундаментальным предположениям. Я собираюсь показать, что эти размышления демонстрируют нам не что иное, как глубокий конфликт между эмпирической трактовкой ментального содержания и феноменалистической интерпретацией идеализма Канта, согласно которой кантовские феномены – чисто интенциональные объекты, нумерически отличные от любого предмета вне нас. Все следующие части статьи будут посвящены осмыслению трактовки апостериорного содержания ума в рамках более реалистичной интерпретации идеализма Канта. В третьем разделе я представлю ряд отрывков, в которых Кант описывает то, что он понимает под предметом опыта. Я собираюсь показать, что эти отрывки предполагают, что, когда мы объясняем содержание восприятий с помощью кантовского предмета опыта, мы принимаем как эмпирическую, так и ноуменальную трактовку. Дело в том, что эти отрывки убедительно свидетельствуют нам: для Канта предмет чувственного опыта и ноуменальная основа восприятия – это один и тот же предмет. В четвертом разделе предлагается краткая интерпретация кантовского различия между явлениями и вещами самими по себе, которая призвана помочь нам понять смысл этого предположения. Я предлагаю рассматривать указанное различие как различие между двумя видами свойств, принадлежащих одним и тем же предметам вне нас: между свойствами, которые зависят от ментальной реакции людей при столкновении с этими предметами, и свойствами, которые относятся к этим предметам независимо от того, как мы на них реагируем. Затем, в пятом разделе, дается более подробное указание относительно того, как нам следует характеризовать наши ментальные реакции представления на предмет с учетом кантовской идеалистической трактовки опыта. В шестом разделе мы обсудим, что интерпретация свойств явлений как свойств, зависящих от нашей реакции (*response-dependent properties*), позволяет Канту объяснять содержание нашего ума с помощью этих свойств и выстоять перед критикой, изложенной во втором разделе. Я также попытаюсь показать, как моя интерпретация проясняет то, почему Кант считал, что эмпирическая трактовка содержания восприятий всегда имеет под собой своего рода ноуменальную трактовку, и как таким образом мы можем выявить рациональное зерно в знаменитом

размышлении Адикеса о «кантовской теории двойного аффицирования»⁴, которую так трудно принять многим интерпретаторам философии Канта.

9

2. Проблема

10 Когда Кант начинает свой проект по установлению области и границ человеческого познания, он, кажется, начинает с эмпирической трактовки апостериорных аспектов содержания нашего опыта. В первых двух абзацах «Трансцендентальной эстетики» он утверждает, что, для того чтобы мы вообще имели предметы в опыте, эти предметы должны быть нам даны в созерцании⁵, а даны они могут быть только благодаря тому, что предмет неким образом аффицирует наш ум, и действие предмета на ум есть «ощущение». Кант называет созерцания, которые относятся к предмету посредством ощущений, «эмпирическими созерцаниями», а предмет этих эмпирических созерцаний, если он больше никак не определен, – «явлением». Он также утверждает, что предметы, которые даются нам в результате их воздействия на нас, «мыслятся рассудком». Если мы примем эти тезисы, то получим следующую картину роли предметов в нашем опыте: предметы оказывают причинное воздействие на наш ум, вызывая ощущения. Отчасти благодаря этим воздействиям предметы «даны» нам, т. е. они становятся предметами нашего эмпирического созерцания, или явлениями. Если мы будем далее определять эти явления, применяя к ним понятия в нашем мышлении, то они могут стать предметами нашего эмпирического знания. Те два абзаца, из которых я взял эти фрагменты, не дают никаких оснований утверждать, что Кант использовал термин «предмет» двусмысленно и считал, что предметы, которые мы мыслим посредством понятий, являются эмпирическими, тогда как предметы, воздействующие на наши чувства, – есть «вещи сами по себе». Таким образом, кажется, что он нашел эмпирическую трактовку апостериорных аспектов содержания нашего опыта; при этом реализм, который в ней заключен, непроблематичен. Такой реализм расценивался Кантом как нечто, что он мог более или менее предполагать, прежде чем взяться за объяснение тех аспектов содержания нашего опыта, которые он считал более загадочными, поскольку они не являются результатом причинно-следственного воздействия внешних предметов, а даны нам *a priori*.

11 Начиная с самой ранней рецепции «Критики чистого разума», некоторые читатели Канта признавали его реалистическую ориентацию в разговоре об аффицировании в «Трансцендентальной эстетике», но многие из них сочли ее недостаточной. Испытываемое ими беспокойство хорошо резюмируется в знаменитом изречении Якоби о том, что без допущения вещи самой по себе, которую он считал условием кантовского представления об аффицировании, «я не могу войти в систему» Канта, но с ней «не могу в ней остаться» (Jacobi, 2004 [1785], S. 109; Якоби, 2006, с. 203). Примерно десять лет спустя в сочинении «Опыт нового изложения наукоучения» (1797–1798) Фихте напишет, что, поскольку критическая философия Канта, очевидно, не допускала каких-либо существенных предположений о вещах самих по себе, мы должны сделать вывод, что Кант на самом деле вообще никогда не думал объяснять ощущения аффицирующими нас предметами. Да, когда у нас есть ощущения, мы воспринимаем их как сопровождаемые чувством пассивности. Однако, добавляет Фихте, «в желании объяснить далее это первоначальное чувство воздействием какого-то *нечто* состоит тот догматизм кантианцев [...], который они охотно приписали бы и Канту. Это их нечто есть необходимо жалкая вещь в себе» (Fichte, 1970 [1797/98], S. 243; Фихте, 1993, с. 517).

12 И Якоби, и Фихте, по-видимому, думали, что для Канта было бы явно непоследовательным предполагать одновременно и ноуменальную, и эмпирическую трактовку апостериорных аспектов содержания нашего опыта. Причина их отказа от ноуменальной трактовки хорошо известна: они считают, что такая трактовка несовместима с кантовской посылкой о непознаваемости ноуменов, то есть с его заявлением о том, что мы не можем использовать категории причины и следствия для познания вещей самих по себе. Не столь очевидно то, почему оба мыслителя, кажется, также считают само собой

разумеющимся, что аффицирующие нас предметы, которые объясняют, почему наш опыт имеет то или иное содержание, не могут быть эмпирическими предметами. Я думаю, это можно понять, если принять во внимание, что якобианское и фихтеанское понимание трансцендентного идеализма Канта и его рассмотрения природы явлений – это то, что сейчас получило бы название «феноменалистической интерпретации»⁶. Согласно такой интерпретации, эмпирические предметы не являются реальными предметами вне нас, а только интенциональными сущностями, то есть внутренними предметами представлений, которые для своего существования не нуждаются ни в чем, кроме этих представлений, и чьи свойства полностью определяются последними. Однозначными примерами таких сугубо интенциональных объектов были бы предметы галлюцинаций или сновидений. Можно без труда увидеть, почему такая феноменалистическая трактовка кантовского идеализма не позволяет объяснить то, что мы воспринимаем красный куб как красный и кубический, свойствами самого красного куба, т. е. воспринимаемого эмпирического предмета⁷. Ведь если этот куб является просто интенциональным объектом, существование и свойства которого полностью основаны на наших собственных представлениях, то мы больше не можем прибегнуть к такому объяснению. Согласно феноменализму, воспринимаемый куб существует и имеет те свойства, которые он на самом деле имеет, потому что наши представления о нем существуют и имеют свойства, которые они в действительности имеют, а не наоборот. Асимметричность данной трактовки не позволяет нам предположить, что интенциональные объекты и представления взаимно объясняют друг друга. То же самое можно сказать и относительно предметов галлюцинаций или сновидений. «Единорог, которого я видел во сне прошлой ночью, был красным, потому что я представлял его таким во сне», – звучит неплохо. Но сказать: «Я представлял единорога во сне красным, потому что единорог, который мне снился, был красным», – кажется уже неправильным ввиду природы таких сугубо интенциональных объектов, как снящиеся единороги.

13 Недавно Николас Стэнг предложил феноменалистическую интерпретацию трансцендентного идеализма Канта, которая якобы призвана освободить место для эмпирических трактовок содержания ума (Stang, 2015). Стэнг предлагает внести в феноменалистическую позицию два уточнения. Во-первых, он предполагает, что воспринимаемые мной явления основаны не на моих индивидуальных ментальных состояниях, а скорее на том, что он называет «универсальным опытом», который, в свою очередь, базируется на моем не только настоящем, но и будущем ментальном состоянии, а также на ментальных состояниях других субъектов и априорных формах созерцания и мышления (Stang, 2015). Стэнг, однако, признает, что это все равно не решит проблему эмпирического аффицирования, поскольку, даже если факты о моих ментальных состояниях лишь частично обосновывают универсальный опыт, который, в свою очередь, обосновывает все факты о явлениях, эти состояния все же не могут быть следствиями явлений, ибо ничто не может быть следствием того, что оно в то же время хотя бы частично обосновывает. Поэтому Стэнг предпринимает второй маневр: нам следует различать между фактами собственных ментальных состояний, которые лежат в основе универсального опыта, и теми фактами о них, которые объясняются внешними явлениями. Он считает, что первый вид фактов – это то, какими наши собственные ментальные состояния *кажутся* нам, тогда как второй вид фактов (те, которые и получают эмпирическую трактовку) – это факты о реальных свойствах этих ментальных состояний (Stang, 2015, p. 25 f.).

14 Хотя то, что предлагает Стэнг, видится мне заманчивым, введенное им различие между тем, какими нам кажутся наши ментальные состояния, и тем, какие они на самом деле есть, я считаю несколько натянутым и чуждым системе Канта. Более того, если мы примем такое различие, то резонно предположить, что нужно также дать объяснение и фактов о том, как ментальные состояния нам представляются, но при этом остается неясным, может ли Стэнг сделать это, не оказавшись в конечном счете в порочном круге, которого он стремился избежать, проводя такое различие. Чтобы проверить это, давайте допустим, что факты универсального опыта лежат в основании фактов о конкретном эмпирическом предмете, который – в свою очередь – в качестве причины отчасти отвечает за то, каковы мои ментальные состояния (например, что они имеют определенное содержание, когда я воспринимаю предмет). Если мы предположим теперь, что последнее есть также способ,

каким ментальное состояние мне кажется, то тогда имеет смысл полагать, что этот способ также частично обуславливается эмпирическим предметом. Предмет отвечает не только за то, чтобы мое состояние восприятия содержало то, что оно, к примеру, содержит, но также (по крайней мере, отчасти) за то, что *кажется* нам таким содержанием. Однако в таком случае факты того, каким мне кажется мое собственное ментальное состояние, не могут частично обосновывать факты универсального опыта: ведь проблема, заключающаяся в том, что ничто не может быть следствием того, что оно частично обосновывает, возникла бы снова.

15 Таких проблемных моментов в предложении Стэнга уже должно быть достаточно, чтобы толкнуть нас на поиски альтернативного подхода для выстраивания эмпирической трактовки содержания опыта в рамках кантовского идеализма. Я думаю, ключ к обнаружению такой альтернативы лежит в феноменалистической интерпретации кантовского представления о предмете опыта. Далее я попытаюсь показать, что такая интерпретация возможна и, более того, хорошо подтверждается кантовскими текстами. В моей интерпретации также будет выявлено, что для Канта любая попытка эмпирически трактовать содержание познания подразумевает одновременное принятие также ноуменальной трактовки этого содержания и что эта связь между ними не нарушает кантовского тезиса о непознаваемости ноуменов, относительно чего были так обеспокоены Якоби и Фихте.

16

3. Понятие Канта о (трансцендентальном) предмете опыта

17 Чтобы увидеть, совместимы ли высказывания Канта об эмпирических предметах как источниках аффицирования в «Трансцендентальной эстетике» с его трансцендентальным идеализмом, мы должны внимательнее взглянуть на отрывки, в которых Кант определяет, что в рамках критической системы следует понимать под термином «предмет опыта». Я ограничусь здесь отрывками из А-издания, поскольку думаю, что текстологически оно предоставляет больше преимуществ как раз для феноменалистической позиции, в связи с чем особенно интересно, сработает ли мое прочтение даже этого издания⁸. Позвольте мне с самого начала пояснить: я вовсе не хочу заявлять, что следующие отрывки невозможно прочесть также в русле феноменалистической интерпретации. Привлекательность моей интерпретации состоит в том, что она может рассматривать эмпирическую трактовку ментального содержания без принятия ее исключительных притязаний на экзегетическую адекватность.

18 В А 104 Кант пишет:

19 «Что же имеют в виду, когда говорят о предмете, который соответствует познанию, а стало быть, также и отличается от него? Не трудно убедиться, что этот предмет должно мыслить только как нечто вообще = X, [...] сопротивляющееся тому, чтобы наши познания определялись произвольно и как попало [...]. Ведь если они [*познания – прим. перев., М.Р.*] должны относиться к предмету, они также должны с необходимостью согласовываться друг с другом в их отношении к этому предмету, т. е. должны обладать тем единством, которое составляет понятие о предмете» (Кант, 2006а, с. 153-155).

20 Немного позже для обозначения предметов, которые, согласно цитате, отличаются от наших представлений, Кант употребит термины «трансцендентальный предмет» и «трансцендентальный предмет = X» (см. А 109, Кант, 2006а, с. 159).

21 Здесь у меня нет возможности заниматься интерпретацией кантовского рассмотрения трансцендентального предмета (объекта) во всех его аспектах, однако общая идея, которую Кант высказывает в процитированном отрывке, кажется, ясна: если мы хотим выяснить, репрезентируют ли наши представления предмет, отличный от них, мы не можем сравнивать их с этим предметом напрямую, потому что предметы даны нам только через представления (см. также А 108 f., Кант, 2006а, с. 159). Сверх того, что мы знаем о предмете

через наши представления, мы не знаем о нем ничего, кроме того, что он – «нечто вообще = X ». Предмет, однако, налагает *некоторые* полезные для познания ограничения на наши представления. Любое представление предмета должно быть согласовано со всяким другим представлением этого предмета. Значит, существенным признаком в условиях, когда интенциональный объект представления P является предметом, отличным от P , было бы то, что P находится в необходимой когерентности со всеми другими представлениями o .

22 Важно отметить, что ни одно из этих предположений не сводимо к утверждению, что не существует предметов, отличных от наших представлений, и что как дисциплинированные эпистемологи мы должны прекратить говорить о них. Суть данного отрывка заключается в том, чтобы получить надлежащее понятие о «предмете, который соответствует [...] и отличается» от наших представлений, и когда Кант говорит, что «если они [*наши представления – прим. авт., Т.Р.*] должны относиться к объекту, они также должны с необходимостью согласовываться друг с другом в их отношении к этому предмету», то очевидно, что он пытается указать на связь между согласованностью и соответствием, а не свести последнее к первой⁹. Вместе с тем все это, по-прежнему, оставляет нам перспективу для двух совершенно разных концепций о том, что есть предмет, отличный от наших представлений, и как такой предмет отличается от предметов тех представлений, которые по существу не отличаются от самого предмета, например, от предметов галлюцинаций и снов. Согласно феноменалистическому прочтению, трансцендентальные предметы будут просто интенциональными объектами и отличать их от предметов галлюцинаций будет лишь то, что последние основаны исключительно на том представлении, которое галлюцинирующий субъект имеет о них в настоящий момент, тогда как предметы, отличные от своих представлений, основываются на наборе представлений, включающем и будущие представления, и представления других субъектов¹⁰. При более реалистичном прочтении предметы, которые Кант считает отличными от нашего представления, были бы предметами, существование и свойства которых не исчерпываются чьими-то представлениями о них, но которые также существуют сами по себе и обладают некими собственными свойствами.

23 Чтобы выбрать между этими двумя интерпретациями, полезно взглянуть на последующие места из «Критики чистого разума», где снова поднимается тема трансцендентального предмета опыта и теперь он связан с определенными предположениями о вещах самих по себе. Первый из отрывков, который я хочу процитировать, следующий:

24 «Все наши представления рассудок действительно относит к какому-нибудь объекту, и раз явления суть не что иное, как представления, то рассудок относит их к некоторому Нечто как предмету чувственного созерцания. Но это Нечто в таком смысле – лишь трансцендентальный объект. Он обозначает лишь нечто = X , о котором мы ничего не знаем и вообще ничего знать не можем [...], такое Нечто, которое может служить лишь коррелятом единства апперцепции для [достижения] единства многообразного в чувственном созерцании, или единства, посредством которого рассудок объединяет многообразное в понятие предмета. Этот трансцендентальный объект совершенно непозволительно обособлять от чувственных данных, ибо в таком случае не осталось бы ничего, позволяющего помыслить его» (А 250 f., Кант, 2006а, с. 327).

25 Данный отрывок важен по двум причинам. Во-первых, он демонстрирует, что, когда Кант использует термин «трансцендентальный объект» в главе о различии между феноменами и ноуменами, он употребляет его в том же смысле, что и в «Трансцендентальной дедукции». А именно: сверх того, что мы знаем о нем благодаря нашим чувственным представлениям, трансцендентальный объект есть не более, чем «нечто = x ». Это нечто служит «коррелятом единства апперцепции для [достижения] единства многообразного в чувственном созерцании», а значит, единственное, что в утверждении об отношении представления к предмету значимо для познания, – это согласованность данных представлений с другими представлениями предмета. Во-вторых, из данного отрывка совершенно ясно, что Кант не хочет утверждать, будто мы вообще не имеем каких-либо

знаний о трансцендентальном объекте. Он называет его «объектом чувственного созерцания» и говорит, что его «совершенно непозволительно отделять от чувственных данных, ибо в таком случае не осталось бы ничего, позволяющего помыслить его», – что недвусмысленно намекает нам о том, что этот объект *мыслим* через данный нам чувственный материал. Следовательно, высказывание, что это нечто, «о котором мы ничего не знаем и вообще ничего знать не можем», может означать только то, что мы не знаем о нем ничего больше, *кроме того*, что мы можем знать о нем через чувственные данные, полученные от него. Мы могли бы также сказать: мы ничего не знаем о нем, кроме того, как он представляется нам в чувственном созерцании.

26 Чуть ниже Кант напишет, что ни один предмет не может явиться нам, если он не существует – в некотором смысле – независимо от нашего познавательного отношения к нему:

27 «Из понятия же явления вообще естественно вытекает вот что: явлению должно соответствовать нечто, что в себе не есть явление, так как явление само по себе и вне нашего способа представления есть ничто; стало быть, для того чтобы постоянно не впадать в порочный круг, следует допустить, что слово *явление* уже включает в себе указания на Нечто, непосредственное представление о чем, правда чувственно, но что само по себе и помимо природы нашей чувственности (на которой основывается форма нашего созерцания) должно быть [именно] этим Нечто, т. е. предметом, независимым от чувственности» (А 251 f., Кант, 2006а, с. 327–329).

28 Кажется, здесь утверждается, что предмет может являться нам только в том случае, если он есть нечто сверх наших о нем представлений, т. е. нечто большее, чем просто интенциональный объект. Если мы возьмем отношение являющегося, включающего в себя причину ощущений, к воспринимающему субъекту, то это будет означать, что ощущения, составляющие материю восприятий, должны быть следствиями предметов, которые сами по себе являются вещами, трансцендентными для ума. Все это выглядит так, будто Кант все-таки считает неизбежной ноуменальную трактовку содержания нашего восприятия.

29 Теперь возникает вопрос: идентичен ли трансцендентный объект, который описан в первом отрывке как предмет чувственного созерцания, мыслимый через чувственные данные, предмету, который является субъекту и который для этого должен иметь некоторое независимое от нашего ума существование? Убедительный положительный ответ на этот вопрос предлагает нам четвертый отрывок, который я хочу здесь процитировать:

30 «[...] чисто умопостигаемую причину явлений вообще мы можем назвать трансцендентальным объектом разве лишь для того, чтобы иметь [какое-либо] нечто, которое корреспондирует с чувственностью как восприимчивостью. Мы можем приписать этому трансцендентальному объекту весь объем и связь наших возможных восприятий и утверждать, что он дан до всякого опыта сам по себе. Однако сообразные с этим объектом явления даны не сами по себе, а только в этом опыте, потому что они суть лишь представления, которые имеют значение действительного предмета только как восприятия, а именно тогда, когда это восприятие связано со всеми другими восприятиями по правилам единства опыта» (А 494 / В 522 f., Кант, 2006б, с. 653–655)¹¹.

31 Здесь трансцендентальный объект явно описывается как (а) предмет, которому приписывается «весь объем и связь нашего возможного опыта», и как (б) умопостигаемая причина явлений, то есть как независимая от ума вещь сама по себе, которая воздействует на нас так, что мы получаем ощущения.

32 Таким образом, отрывки о трансцендентальном объекте опыта не только не опрокидывают картину, обрисованную в начале «Трансцендентальной эстетики», но и подтверждают ее: когда мы воспринимаем предмет, этот же самый предмет должен воздействовать на нас, чтобы вызвать в нас ощущения. Отрывки из «Трансцендентальной логики» добавляют к сказанному в «Трансцендентальной эстетике» две важные мысли. Во-первых, трансцендентный объект, т. е. тот самый предмет, который мы воспринимаем и который нас аффицирует, должен обладать некоторым независимым существованием, чтобы

являться нам, иначе говоря, он должен обладать некими свойствами, которые обуславливают, как мы представляем предмет в познании. Во-вторых, то, что в представлении заявлен трансцендентальный объект, отличный от нас благодаря своему независимому существованию, становится значимым для познания исключительно в силу того, что представление находится в своего рода когерентной связи с другими представлениями.

33 Эта общая картина также подтверждается параллельным отрывком из главы «Об основании различения всех предметов вообще на *Phaenomena* и *Noumena*» во втором издании «Критики чистого разума», где Кант пишет:

34 «[...] когда мы те или иные предметы как явления называем чувственно воспринимаемыми сущностями (*Phaenomena*), отличая при этом способ, каким мы их созерцаем, от их свойств самих по себе, то уже в самом нашем понятии [чувственно воспринимаемой сущности] заключается то, что мы как бы противопоставляем этим чувственно воспринимаемым сущностям [...] те же самые сущности с их свойствами самими по себе, хотя мы этих свойств в них и не созерцаем [...]». (В 306, Кант, 2006б, с. 405)¹².

35 Здесь Кант ясен настолько, насколько вообще возможно быть ясным при подобном рассуждении: характеризуя эмпирические предметы как феномены, мы концептуально становимся на путь признания, что эти предметы каким-то образом существуют также сами по себе.

36 Теперь нам нужно произвести интерпретацию кантовского различия между явлениями и вещами самими по себе, а также тезиса Канта о том, что мы можем познавать только явления, но не вещи сами по себе – это позволит нам понять сформулированные выше утверждения и объяснить, как один и тот же предмет может фигурировать как в эмпирической, так и в ноуменальной трактовке ментального содержания.

37

4. Эмпирические предметы и их свойства, зависящие от нашей реакции на них

38 Я полагаю, что для рассмотрения кантовской трактовки содержания опыта наиболее подходящим будет прочтение трансцендентального идеализма Канта, которое является вариантом так называемой онтологической «двухаспектной» интерпретации¹³. Данная интерпретация основана на идее, что кантовское различие между явлениями и вещами самими по себе есть различие между двумя видами свойств, причем оба вида принадлежат одним и тем же предметам: с одной стороны, есть свойства, зависящие от нашего ума и имеющие отношение к тому, как вещи нам являются, а с другой стороны, есть свойства, независимые от нашего ума и касающиеся существования вещей вне их явленности нам. Утверждение, что пространственно-временные свойства – не свойства вещей самих по себе, а скорее только признаки явлений, тогда понимается в том смысле, что такие свойства в некоторой степени зависят от нашего ума: эмпирические предметы не имели бы этих свойств, если бы люди обладали другими формами созерцания. Однако это не означает, что пространственно-временные свойства – есть свойства лишь интенциональных объектов. Они «могут приписываться самому объекту, если речь идет об отношении к нашему чувству», как пишет Кант в сноске к В 69 (Кант, 2006б, с. 131).

39 Это утверждение не просто совместимо с предположением, что свойства явлений есть также свойства предметов, которые существуют независимо от нашего ума. Вернее даже сказать, что оно подразумевает, что такие свойства могут быть приписаны только тем вещам, которые обладают и некоторыми другими свойствами, но уже независимо от нас. Как Кант пишет в В 69:

40 Эмпирические предметы, а также «свойства, которые мы им приписываем, всегда

рассматриваются как нечто действительно данное, но поскольку эти свойства зависят только от способа созерцания субъекта в отношении к нему данного предмета, то мы отличаем этот предмет как явление от того же предмета как объекта самого по себе» (Кант, 2006б, с. 131). Утверждение, что те же предметы, которые по отношению к нам обладают пространственно-временными свойствами, также должны обладать и некими независимыми от нас свойствами, не означает, что мы что-нибудь знаем об этих вещах самих по себе: ведь мы не знаем, *что* это за независимые от ума свойства. Эта мысль достаточно хорошо согласуется с отрывками из «Трансцендентальной аналитики» первого издания «Критики», которые мы уже обсуждали в предыдущем разделе: трансцендентальные объекты – это «предметы нашего чувственного созерцания» и также вещи, которые мы представляем «посредством чувственных данных» в том смысле, что посредством восприятия зависимые от нас свойства мы познаем в явлении. И те же самые трансцендентальные объекты есть в то же время «интеллигибельная причина» явлений, поскольку они обладают независимыми от нас свойствами, обуславливающими то, как явления нам являются.

41 Чтобы выяснить, может ли изложенная интерпретация также помочь нам решить затруднения, связанные с объяснением зависимого (contingent) аспекта содержания нашего опыта, нам следует еще внимательнее исследовать природу зависимых от нас свойств явлений. Мы уже видели, что Кант много говорит о процессе, в ходе которого предмет нам является: предметы являются нам, аффицируя наш ум и вызывая в нас определенные репрезентационные эффекты, а именно ощущения. Поэтому утверждение Канта, что мы знаем только то, как предметы нам являются, часто отождествляется им с утверждением, что мы знаем только то, как предметы аффицируют нас:

42 «[...] как созерцание внешних объектов, так и самосозерцание души в пространстве и времени представляет нам эти объекты *так, как они действуют на наши чувства, т. е. так, как они являются [...]*» (В 69, Кант, 2006б, с. 131; курсив Т.Р.).

43 «[...] представление о теле в созерцании не содержит ничего, что могло бы быть присуще предметам самим по себе; оно выражает *лишь явление чего-то и способ, каким это нечто аффицирует нас [...]*» (А 44 / В 61, Кант, 2006б, с. 121; курсив Т.Р.).

44 «[...] считая предметы чувств лишь явлениями, мы ведь тем самым признаем, что в основе их лежит вещь сама по себе, хотя мы не знаем, какова она сама по себе, а знаем только *ее явление, т. е. способ, каким это неизвестное нечто воздействует на наши чувства*» (АА 4: 314 f., Кант, 1994е, с. 74; курсив Т.Р.).

45 Согласно приведенным цитатам, то, что мы знаем, – это *способы, какими предметы воздействуют на нас*¹⁴. Я думаю, что способы, какими предметы воздействуют на людей, можно охарактеризовать с помощью видов репрезентационных воздействий, которые эти предметы оказывают на ум человека. Непосредственное ментальное действие (*mental effect*) от аффицирования предметом – это ощущение, которое Кант называет «материей» эмпирического созерцания. Назовем его *материальным действием аффицирования*. Затем ощущения, с нашей стороны, наделяются пространственно-временной организацией в соответствии с нашими «формами» созерцания (пространством и временем). Помимо общей пространственно-временной структуры содержания эмпирического созерцания, которая обусловлена исключительно устройством ума, существуют также его более специфичные формальные аспекты, а именно конкретные формы, в согласии с которыми упорядочиваются данные нам ощущения. Согласно кантовской теории познания, это упорядочение не может быть понято просто как пассивное реагирование. Напротив, оно подразумевает деятельность субъекта, которую Кант называет фигурным синтезом (*synthesis speciosa*) и приписывает способности воображения (В 151, В 162; см. также А 100 f.). То, что воображение активно, не означает, что оно исключительно само «выстраивает» определенную пространственно-временную организацию ощущений, приводящую нас к определенному эмпирическому познанию. Воспринимаем ли мы данный предмет как прямоугольный или как круглый – частично уже определено аффицирующим нас предметом. Мы назовем *формальным действием аффицирования* производимое воображением упорядочение данных ощущений в соответствии с определенной пространственно-временной формой.

46 Утверждение Канта, что все, что мы знаем о данных предметах, – это способ, каким они нам являются (аффицируют нас), может быть понято следующим образом: все, что мы знаем о предметах вне нас, с которыми мы сталкиваемся в опыте, – это то, что они оказывают на нас определенное материальное и формальное действие. Важно не отождествлять это последнее утверждение с предположением о том, что единственные предметы нашего эмпирического познания – и *есть* сами эти материальные и формальные действия, возникающие в результате аффицирования независимыми от нас предметами. Свойство определенным образом воздействовать на нас является свойством предметов, оказывающих на нас такое воздействие, а вовсе не нашим собственным свойством и не свойством наших ментальных состояний.

47 Довольно естественно обозначить кантовские свойства явлений как *свойства, зависящие от нашей реакции на предмет*, как сейчас это называют¹⁵. Зависимое от реакции свойство – это свойство предмета, которое связано преимущественно с типами реакций, или воздействий, оказываемых этим предметом на некие сущности, как правило, на людей. Его можно понимать как диспозиционное свойство предмета производить эти воздействия. Типичное свойство в эмпирическом мире, зависящее от нашей реакции, – это, например, свойство быть ядовитым для человека. Мы называем что-либо ядовитым, если оно при определенных обстоятельствах способно вызывать у нас определенные симптомы интоксикации. Эти симптомы вызываются определенными недиспозиционными, химическими свойствами предмета, которые обычно называют категориальной основой диспозиции. Например, мухоморы ядовиты, потому что содержат мусцимол, который при приеме внутрь вызывает у нас симптомы интоксикации. Назвать предмет ядовитым – не значит приписать ему некое особое категориальное свойство, вызывающее интоксикацию. Скорее, это значит сказать о предмете, что он обладает *неким* свойством, которое оказывает на нас такое воздействие. По этой причине зависящие от реакции диспозиционные свойства можно охарактеризовать как свойства высшего порядка, или свойства формы «обладать неким свойством первого порядка, выполняющим роль такой-то и такой-то причины»¹⁶. В этом духе мы можем понять утверждение о том, что нечто ядовито для человека, как приписывание предмету следующего свойства высшего порядка:

48 x является ядовитым для человека, если и только если x обладает (зависимым от нашей реакции) свойством иметь некое (независимое от нашей реакции) свойство, вызывающее симптомы интоксикации у людей.

49 Нетрудно заметить, что свойства, зависящие от реакции на предмет, как, например, ядовитость, имеют те же особенности, которыми обладают у Канта пространственно-временные свойства явлений. Они характеризуют предмет только по отношению к нам и зависят от нашего устройства. (Мухоморы не ядовиты сами по себе, но только для определенных существ; они утратили бы свойство ядовитости, если бы мы реагировали на мусцимол по-другому). Как свойства высшего порядка они могут быть только у предметов, которые также имеют некоторые свойства первого порядка, независимые от реакции на предмет, – свойства, которыми обладают предметы сами по себе, т. е. независимо от того, как кто-нибудь на них реагирует. (Мухоморы не могли бы быть ядовитыми для людей, если бы они не обладали неким независимым от реакции химическим свойством, обуславливающим интоксикацию у людей, которые их едят). Открытие того, что у вещей есть некие свойства, зависящие от реакции на них, не влечет за собой ни знания о том, *какие* независимые свойства вызывают такую реакцию, ни знания о том, исполняет ли эту роль всегда одно и то же или некое иное свойство. (Люди знали, что мухоморы ядовиты, еще до того, как узнали, что они содержат мусцимол; другие виды веществ могут быть ядовитыми из-за совершенно иных химических свойств).

50 Учитывая такое сходство, мы полагаем многообещающим интерпретировать кантовское утверждение, что пространственно-временные свойства явлений есть не более чем способы, какими предметы аффицируют нас, как утверждение о том, что эти свойства, в сущности, зависят от реакции. В данном случае релевантными следствиями являются не столько те или иные биологические реакции, сколько возникновение определенных

ментальных состояний у определенных познающих субъектов. Пусть переменная F обозначает некий пространственно-временной предикат, как, например, «протяженный», «кубический» или «красный». Тогда общая схема интерпретации предикативного использования данного предиката как приписывания предмету свойства, зависящего от реакции, выглядит следующим образом:

51 x есть F , если и только если x имеет свойство (зависимое от соответствующей реакции) обладать некоторым (независимым от соответствующей реакции) свойством¹⁷, вызывающим в нас *такие-то и такие-то* действия¹⁸.

52 Задача заполнить переменное выражение «такие-то и такие-то» отнюдь не является банальной. Из литературы по диспозиционалистским концепциям о цвете мы знаем, что если мы понимаем, например, красный цвет как диспозиционное свойство, вызывающее у нас особый вид визуального сенсорного состояния, то это состояние нельзя характеризовать как визуальное представление чего-либо как красного, так как это привело бы к порочному кругу¹⁹. Решение диспозиционалистов относительно цвета состоит в том, что следует характеризовать ментальное состояние «изнутри», т. е. в нерепрезентационных терминах²⁰, например, как «красноватое ощущение». В таком случае красный цвет мы можем, не впускаясь в порочный круг, понимать как диспозиционное свойство продуцирования «красноватого ощущения».

53 Эта стратегия может помочь нам в реконструкции кантовского рассуждения о явлениях в той мере, в какой мы можем понимать свойства явлений как диспозиционные свойства, вызывающие в нас определенные *ощущения*. Кант называет такие свойства «реальностями» и трактует их как «то, что соответствует ощущению» (А 143 / В 182, А 168 / В 209, Кант, 2006б, с. 261, 295). Кант действительно характеризует ощущения как «непредметные» ментальные состояния, которые имеют «отношение исключительно к субъекту как модификация его состояния» (А 320 / В 376, Кант, 2006б, с. 485) – это, кажется, подразумевает, что в целом их можно характеризовать, не используя репрезентационные термины. Однако такая стратегия вряд ли поможет нам со *всеми* свойствами, полагаемыми в рамках трансцендентального идеализма Канта зависимыми от реакции. Некоторые из этих свойств касаются определенных форм предметов (например, быть кубическим), другие – определенных пространственных или временных величин (например, быть длиной в один метр или иметь продолжительность в два часа), третьи – отношений, в которых предметы состоят с другими предметами (например, вызывая у предмета какое-либо состояние). Ни одно из этих свойств не связано со специфическими ощущениями, которые позволили бы нам определить первые через вторые. Ментальные реакции, которые им присущи, связаны с упорядочением или «синтезированием» ощущений в соответствии с априорными формами пространства и времени. Такое упорядочение выше я назвал *формальным* действием аффицирования со стороны предмета, а не материальным. Попытаться описать эти действия в нерепрезентационных терминах – кажется делом безнадежным. С философской точки зрения переход к нашей физической лексике в попытке охарактеризовать соответствующие ментальные реакции «изнутри» выглядел достаточно сомнительным уже тогда, когда мы характеризовали ощущения как «красноватые» или «синеватые». Но было бы совершенно глупым, если бы мы применили такие характеристики для описания актов воображения как «кубоватых» или «двухчасоватых».

54 Я думаю, что если мы хотим реконструировать трансцендентальный идеализм Канта как теорию свойств, зависящих от нашей реакции, нам нужно более радикальное решение, и я также считаю, что это решение будет совершенно легитимным в рамках кантовских установок. Общая идея этого решения такова: вместо того чтобы предполагать, будто лексика, с помощью которой мы описываем пространственно-временные признаки, в первую очередь предназначена для описания свойств независимых от ума предметов и лишь затем – для характеристики наших ментальных реакций на эти предметы, напротив, мы должны признать, что в рамках кантовского учения эта лексика в первую очередь предназначена для выражения наших ментальных реакций представления на предметы, а то, что она служит для характеристики свойств этих предметов – лишь второстепенно.

Удовлетворительное исследование подобного решения потребовало бы от нас гораздо более подробного рассмотрения кантовского описания опыта в «Трансцендентальной аналитике», чем то, которое я могу предложить в рамках данной статьи, однако, по крайней мере, я представлю здесь беглый набросок.

55

5. Язык явления

56 Допустим, человеческий субъект аффицируется неким внешним предметом и реагирует на него, испытывая определенные ощущения и определенным образом синтезируя их в соответствии с априорными формами пространства и времени. Тогда соответствующая материальная и формальная реакция на него будет полностью обосновываться собой определенное чувственное и репрезентационное ментальное содержание. Это значит, что это содержание есть нечто независимое от причины аффицирования, – в отличие от того, как предлагает, например, каузальная теория ментального содержания. Следовательно, содержание не репрезентационно в том смысле, что само по себе оно не представляет свойство аффицирующего предмета вне нас. Однако оно репрезентационно в том смысле, что, схватывая его, субъект представляет определенное пространственно-временное многообразие. Мы можем назвать это чувственное содержание явлением в значении «неопределенного предмета эмпирического созерцания», как Кант обозначает его в отрывке А 20 / В 34 (Кант, 2006б, с. 89). Содержание «неопределенно» в том смысле, что оно пока не задействуется субъектом для определения свойств внешних предметов. Но в то же время оно не является неопределенным, поскольку оно отграничено от всякого другого содержания (т. е. содержания, в котором иные ощущения синтезируются иными способами). Оно также не является неопределенным, поскольку субъекты могут отличить его от другого содержания. Кант понимает синтезирование, осуществляемое воображением, задействованным на этой стадии генезиса познания, как функцию, которая заставляет субъект осознавать представляемое многообразие как таковое, и это осознание включает в себя способность осмысленно отличать различные части многообразного друг от друга, переопределять то или иное многообразное, отграничивая его от всего остального²¹.

57 Обратите внимание, что когда мы называем такие чувственные ментальные содержания «явлениями», то это явление не следует путать с явлением в значении эмпирического предмета. В исследовательской литературе нередко отмечается, что использование Кантом термина «явление» («Erscheinung») колеблется между этими двумя значениями²² и что иногда он использует термин «phaenomenon», говоря об эмпирических предметах, и термин «apparentia», говоря о том чувственном ментальном содержании, которое еще не было определено субъектом в отношении к эмпирическим предметам²³. В дальнейшем изложении я закреплю термин «явление» для чувственного ментального содержания, а термин «феномен» – для эмпирических предметов вне нас.

58 Если мы признаем, что субъект способен схватывать различные чувственные содержания, осознавать их и отличать друг от друга, кажется убедительным предположить, что субъект может выразить это содержание с помощью лексики, которая служит *в первую очередь* не для характеристики предметов вне нас и их свойств. Наш словарный запас – это, прежде всего, словарь явлений и только потом – словарь для описания феноменов. Наиболее явное свидетельство того, что Кант был склонен так считать, можно обнаружить в различии им «суждений восприятия» и «суждений опыта» в «Пролегоменах», где он пишет:

59 «[...] когда я говорю: *воздух упруг*, то сначала это только суждение восприятия, я лишь соотношу друг с другом два ощущения в моих чувствах. Если же я хочу, чтобы оно было суждением опыта, то я требую, чтобы эта связь была подчинена условию, которое делает ее общезначимой, т. е. я хочу, чтобы и я, и всякий другой необходимо связывали всегда эти восприятия при одинаковых обстоятельствах» (АА 4: 299, Кант, 1994е, с. 57).

60 О кантовском различии между суждениями восприятия и суждениями опыта следует говорить, конечно, с большой экзегетической осторожностью, и неясно, как связь

представлений, названная Кантом в «Пролегоменах» «суждением восприятия», может быть «суждением» в том смысле, как Кант определяет последнее во втором издании «Критики чистого разума». Однако ясно, что Кант был рад разрешить нам пользоваться тем языком, с помощью которого мы выражаем ментальные содержания и их связь, не претендуя в то же время на их полную объективность. В приведенном из «Пролегомен» примере я могу использовать предложение «воздух упруг», чтобы охарактеризовать, как я «в своих чувствах связываю два ощущения друг с другом». Чуть ранее Кант пишет, что всякое суждение восприятия выражает только логическую связь восприятий в мыслящем субъекте (АА 4: 298, Кант, 1994е, с. 55), из чего следует, что не только ощущения, но и «восприятия» в целом, т. е. осознаваемые представления, предстают в таких суждениях связанными. Оба отрывка дают нам понять, что для Канта лингвистическое выражение содержания нашего ума предшествует выражению свойств предметов вне него. Эта точка зрения также явно выражена в следующем отрывке:

61 «Все наши суждения сперва только суждения восприятия; они значимы только для нас, т. е. для нашего субъекта, и лишь после мы им даем новое отношение, а именно отношение к объекту, и хотим, чтобы они были постоянно значимы и для нас, и для всех других; ведь если одно суждение согласуется с предметом, то и все суждения о том же предмете должны согласоваться между собой, так что объективная значимость суждения опыта есть не что иное, как его необходимая общезначимость. Но и наоборот, если у нас есть основание считать суждение необходимо общезначимым [...], то мы должны признавать его и объективным, т. е. выражающим не только отношение восприятия к субъекту, но и свойство предмета; в самом деле, на каком основании суждения других должны были бы необходимо согласовываться с моим, если бы не было единства предмета, к которому все они относятся и которому они должны соответствовать, а потому согласовываться также и между собой» (АА 4: 298, Кант, 1994е, с. 55).

62 Давайте применим то, что говорит здесь Кант, к тому предложению, где мы характеризуем нечто как упругое. На первом этапе это предложение используется для выражения суждения восприятия. При этом предикат «упругий» выражает осознаваемое ментальное содержание, которое субъект может схватить и отличить от другого. Это содержание можно охарактеризовать как явление в том значении, которое мы обозначили выше: как то, что полностью основано на соответствующей материальной и формальной реакции субъекта на данный аффицирующий предмет. В случае с ментальным состоянием, выраженным словом «упругость», мы могли бы понимать эту реакцию как характерную синтезированную последовательность ощущений давления, или как характерную синтезированную последовательность созерцаемых движений (например, движений поршня, с помощью которого сжимается воздух в цилиндре²⁴). Связка «есть» в суждении восприятия выражает то, что Кант называет «лишь субъективной значимостью»²⁵ (АА 4: 298, Кант, 1994е, с. 55): она утверждает, что нечто является мне в определенной ситуации определенным образом, то есть что я реагирую на это определенным ментальным состоянием, которое я связываю в данном случае с термином «упругий». Можно выразить употребление этой связки следующим образом:

63 (1СВ) x есть_S упругий.

64 (1СВ*) x является мне упругим сейчас.

65 Обратите внимание, что понятие *являющийся-упругим* – первичное (primitive²⁶) в ранее упомянутом смысле: оно не основывается ни на каком предварительном введении понятия упругости как свойства предметов вне нас, иначе говоря, мы не схватываем сначала, что такое упругость, чтобы потом на этой основе определить понятие являющегося нам упругого. Мы знаем, что означает «являющийся-упругим» благодаря ассоциированию этого понятия с ментальным содержанием, которое нам известно от первого лица²⁷.

66 Затем на основе первичного понятия «являющийся-упругим» вводится понятие объективного «бытия упругим», которое выражается уже суждением опыта. Мы можем также сказать, что, вынося такое суждение, мы определяем эмпирический предмет, феномен,

на основе ментального содержания, т. е. на основе явления. Как поясняет Кант, это достигается благодаря пониманию предикации «*x* есть упругий» в качестве составляющей суждения опыта, а это значит, благодаря тому, что связка «*есть*» наделяется иным значением, выражающим «объективную значимость» (АА 4: 298, Кант, 1994е, с. 55). В цитате, приведенной выше, Кант выявляет два признака объективной значимости. Первый – это универсальная значимость: быть упругим объективно – значит являться упругим в данной конкретной ситуации не только мне, но и всем людям, или может быть даже всем субъектам, которые обладают чувственностью, организованной в априорных формах пространства и времени, и сталкиваются с той вещью, которой мы приписываем упругость. Эта особенность объективно значимой предикации²⁸ может быть выражена следующим образом:

67 (1CO) *x* есть_o упругий.

68 (1CO#) *x* является-упругим для всех людей во всех соответствующих случаях.

69 Однако универсальность – это еще не все, что требуется для объективной значимости. Цитаты из «Пролегомен» убеждают нас в том, о чем мы уже говорили в третьем разделе: Кант не стремится к своего рода *сведению* объективности к универсальной согласованности, а скорее хочет сказать, что в случае истинного суждения опыта универсальная согласованность ментальных реакций различных субъектов в различных ситуациях указывает на то (и *объясняется* тем фактом), что существует один общий предмет, который соответствует всем этим ментальным реакциям как их общий источник. Это – предмет *x*, о котором мы говорим, что он во всех случаях является одинаковым для всех нас и отвечает за такую гармонию явлений. Мы можем обнаружить эти аспекты кантовского анализа, охарактеризовав то, что выражается в предикации, выступающей составным элементом суждения опыта, следующим образом:

70 (1CO*) *x* таков, что он является упругим для всех людей во всех соответствующих случаях.

71 Так мы возвращаемся назад, к попытке понять свойства явлений у Канта как свойства, зависимые от реакции на предмет. С учетом того способа, каким мы ввели понятие являющегося, становится ясно, что это понятие – каузальное и что формулировка «*x* таков, что он является...» может быть изложена в причинно-следственных терминах так, что выявляется взаимосвязь между свойствами, независимыми от реакции (т. е. свойствами, которые вещь имеет сама по себе), и свойствами, зависимыми от реакции (т. е. свойствами, связанными с тем, как вещь является субъектам с ментальным устройством, подобным нашему). Я хотел бы предложить следующий заключительный анализ объективной предикации упругости ‘*x* есть_o упругий’, который, очевидно, можно легко приложить и к нашим предыдущим примерам о бытии-кубическим или бытии-красным:

72 (1CO**) *x* имеет (зависимое от реакции) свойство обладать неким (независимым от реакции) свойством, которое вызывает ментальное состояние с содержанием «являющийся-упругим» у людей во всех соответствующих случаях.

73 Эта интерпретация суждений опыта хорошо согласуется с нашей интерпретацией кантовского использования термина «трансцендентальный объект» в первом издании «Критики». Предметы, которые подпадают под условия истинности суждений опыта, исполняют две теоретические роли в теории познания Канта. Во-первых, они гарантируют, что все истинные суждения опыта согласованы друг с другом и что существует нечто вроде универсального и интерсубъективного способа, каким мир является нам. Во-вторых, они исполняют роль причинного источника являющегося. Этим они отвечают за реалистическую составляющую кантовского идеализма, объясняя, почему то, каким именно нам является мир, не полностью зависит от нас²⁹.

74 Это возвращает нас к главному вопросу данной статьи. В заключительном ее разделе я хочу исследовать, позволяет ли интерпретация трансцендентального идеализма Канта как утверждения о различии между зависимыми и независимыми от нашей реакции

свойствами сделать его совместимым как с эмпирической, так и с ноуменальной трактовкой содержания опыта.

75

6. Объясняя содержание опыта с помощью предметов опыта

76 В первом разделе я писал, что эмпирическая трактовка содержания опыта объясняет такое содержание с помощью свойств эмпирических предметов, тогда как ноуменальная трактовка делает это посредством свойств ноуменальных источников опыта. Учитывая результаты третьего, четвертого и пятого разделов, мы теперь видим, что эти два типа трактовок переплетены друг с другом гораздо теснее, чем мы могли предполагать изначально. Ведь, с одной стороны, эмпирический предмет в конкретной ситуации опыта (трансцендентальный предмет в той мере, в какой он представлен и определяется чувственными представлениями, когда те определенным образом согласованы и упорядочены) *как раз* и является ноуменальным источником этой ситуации (трансцендентальным предметом как он существует сам по себе). С другой стороны, если наша интерпретация свойств явления как свойств, зависящих от нашей реакции, верна, то приписывание свойства явления предмету вне нас *как раз* и предполагает то, что этот предмет обладает неким существованием в себе (т. е. независимым от реакции свойством), которое отчасти обуславливает наши чувственные представления его – и это достаточно хорошо согласуется с тем, что открыто говорится Кантом насчет концептуальной связи между понятиями явления и вещи самой по себе³⁰. Таким образом, согласно Канту, эмпирическая трактовка содержания опыта – есть та, которая раскрывает это содержание посредством зависящих от реакции свойств предметов, тогда как ноуменальная трактовка толкует его на основании свойств тех же самых предметов, но уже независимых от реакции на них. И с учетом выдвигаемых нами тезисов нетрудно заметить, что невозможно принять первую трактовку, не принимая вторую.

77 Это по-прежнему оставляет открытыми вопросы, легитимны ли указанные два вида трактовок в рамках трансцендентального идеализма Канта и могут ли они решить проблему, сформулированную во втором разделе. Прежде чем я попытаюсь дать ответ, я хотел бы ввести немного терминологии. Во-первых, мы будем называть причинно-следственное объяснение некоего состояния *S* *специфическим*, если в качестве причины *S* оно указывает определенное состояние или свойство; и мы будем называть его *неспецифическим*, если оно просто говорит, что существует некая причина *S*, которая принадлежит к некоему общему роду. (Специфическое объяснение движения бильярдного шара, например, включало бы подробное описание кинетического состояния другого бильярдного шара, который ударил по первому шару. В то время как неспецифическое объяснение могло бы просто сказать, что первый шар движется так, как движется, потому что *какой-то* другой шар или *какой-то* другой физический предмет оказал на него воздействие с *некоторой* кинетической силой). Во-вторых, позвольте нам называть причинно-следственное объяснение *концептуально независимым*, если оно характеризует эксплананс совершенно независимо от его роли в этом объяснении. (Радикальным случаем объяснения, которое не удовлетворяет этому критерию, было бы высказывание, что этот бильярдный шар движется, потому что произошло событие, вызывающее это движение. Хотя подобное высказывание верно и относится в качестве объяснения к отдельному конкретному событию, мы не говорим о таком событии ничего, кроме того факта, что оно является причиной того, что мы хотим объяснить). Наконец, позвольте нам обозначить объяснение как *полностью удовлетворительное*, когда оно является и специфическим, и концептуально независимым.

78 Как мы увидим, то, что Кант может предложить в качестве эмпирической и ноуменальной трактовки ментального содержания, не является полностью удовлетворительным в обозначенном выше смысле. Обычные примеры эмпирической трактовки ментального содержания не могут быть концептуально независимыми, хотя они и специфические, а предлагаемая Кантом ноуменальная трактовка – и вовсе не специфическая. Однако мы увидим далее, что эти обстоятельства, ограничивающие объяснительный

потенциал кантовской трактовки, не выступают возражением против учения самого Канта. Они по-прежнему позволяют ему говорить о внешнем источнике нашего знания все, что трансцендентальному идеалисту должно сказать, и дают ему возможность ответить на возражение, согласно которому любые высказывания об этом внешнем источнике противоречат границам, установленным им самим для наших познавательных способностей. По крайней мере, я буду утверждать именно это.

79 Начнем с эмпирической трактовки. Снова предположим, что некий человек *A* видит перед собой кубический предмет. Классическая эмпирическая трактовка содержания восприятия *A* была бы такой: *A* воспринимает предмет перед собой как кубический, потому что этот предмет – кубический. В рамках кантовской теории познания содержание восприятия *A* может быть выражено посредством первичного понятия «*являющийся-кубическим*» и объективное бытие кубическим следует отождествить с зависимым от реакции свойством бытия таким, чтобы вызывать ментальные состояния с содержанием «*являющийся-кубическим*» у человеческого существа во всех соответствующих случаях. Следовательно, в рамках кантовской системы эмпирическая трактовка ментального содержания *A* должна быть проанализирована следующим образом:

80 (1) *A* находится в состоянии восприятия с содержанием «*являющийся-кубическим*», поскольку предмет, находящийся напротив *A*, имеет (зависимое от реакции) свойство обладать некоторым (независимым от реакции) свойством, которое вызывает ментальные состояния с содержанием «*являющийся-кубическим*» у человеческих существ во всех соответствующих случаях.

81 Позволяется ли Канту делать подобное заявление в контексте его взглядов относительно трансцендентального идеализма?

82 Основным препятствием для эмпирической трактовки в рамках феноменализма было то, что мы не могли объяснять определенные свойства ментальных состояний определенными свойствами просто интенциональных объектов. Теперь это препятствие исчезло. Содержание ментального состояния *A* объясняется свойством внешнего предмета, и получается, что если бы этот предмет не обладал данным свойством (свойством быть таким, чтобы воздействовать на людей так-то и так-то), то *A* не воспринимал бы то, что он действительно воспринимает. Следует также отметить, что, хотя объясняющее свойство вне нашего ума и зависит от нашей реакции, оно не полностью определяется ментальным состоянием *A* (или других субъектов), но также – и даже скорее – тем, как конституируется предмет вне нас независимо от какой-либо реакции на него. Поскольку, как видно из (1), если бы предмет имел другие независимые от нашей реакции свойства, чем он на самом деле имеет, то это могло бы привести к тому, что предмет больше не обладал бы зависимыми от этой реакции свойствами, упомянутыми в (1).

83 Однако это последнее замечание может вызвать подозрение, что наша реакция на предмет объясняется не свойством, от реакции зависимым, а скорее только независимым свойством. Ведь как свойство предмета, которое определяется посредством реакции, вызываемой у кого-то этим предметом, может служить каузальным объяснением самой этой реакции? Или, используя введенную выше терминологию: как вообще может быть легитимным объяснение, в которой отсутствует признак концептуальной независимости? Разве такое объяснение не является абсолютно тривиальным, каким в комедии Мольера «Мнимый больной» было объяснение того, что опиум вызывает сон, потому что он обладает «виртус снотворус»³¹?

84 Нет, не является. Чтобы понять почему, мы должны увидеть, что существует важное различие между (a)- и (b)-частями следующих двух пар объяснений:

85 (2.a) Опиум вызывает сон, потому что он обладает силой, вызывающей сон.

86 (2.b) *A* засыпает, потому что съел что-то, обладающее силой, вызывающей сон.

87 (3.a) Мухоморы ядовиты для людей, потому что они обладают некоторыми

свойствами, вызывающими у людей симптомы интоксикации.

88 (3.b) У *A* были симптомы интоксикации, потому что он съел что-то ядовитое, т. е. что-то, обладающее свойством, которое вызывает симптомы интоксикации у людей.

89 Верно, что (2.a) и (3.a) не являются причинно-следственными объяснениями. Связь между экспланандумом и экспланансом³² в них является чисто концептуальной, и эксплананс не допускает никакой возможности, которая не была бы уже исключена истинностью экспланандума. Вместе с тем, хотя (2.b) и (3.b) также не являются концептуально независимыми, их объяснения *действительно* исключают некоторые такие возможности. Первое, что мы узнаем из этих утверждений, – это то, что причинный источник данной определенной реакции *A* находится в определенном предмете, который был съеден *A* (а не, например, в самом *A*). Второе, что мы узнаем, – это то, что причинный источник есть свойство, которое может вызывать такое же действие в аналогичных ситуациях и у других людей. Оба утверждения существенно выходят за рамки того, что мы знаем, когда знаем, что кто-то засыпает или проявляет симптомы интоксикации. Конечно, (2.b) и (3.b) не являются «полностью удовлетворительными» в ранее определенном смысле. Для нас было бы лучше, если бы мы могли сослаться на причину реакции человека посредством концептуально независимой (например, химической) характеристики. Но до тех пор пока такой характеристики у нас нет, (2.b) и (3.b) совершенно легитимны.

90 Тогда объяснение, представленное в (1), скорее похоже на объяснение, данное в (2.b) и (3.b), чем в (2.a) и (3.a). Хотя оно и не является полностью концептуально независимым, однако с его помощью мы узнаем нечто существенное. Когда нам говорят, что *A* пребывает в состоянии восприятия, имеющем содержание *являющийся-кубическим*, потому что предмет, с которым *A* сталкивается, имеет (зависимую от реакции) диспозицию вызывать у людей состояния восприятия с этим содержанием, то мы узнаем, что причинный источник ментального состояния *A* размещается во внешнем предмете. И мы узнаем, что этот внешний предмет будет производить аналогичные действия в умах других людей, так что к свойствам, упомянутым в (1) как зависимые от реакции, есть интересубъективный доступ. Я думаю, что именно эти две черты позволяют эмпирической трактовке ментального содержания играть ту философскую роль, которой Кант хочет ее наделить в рамках своей концепции трансцендентального идеализма. Это позволяет ему сделать свою форму идеализма совместимой с реалистической интуицией, с постановки вопроса о которой я начинал эту статью: когда мы воспринимаем вещи, наши ментальные состояния восприятия имеют то содержание, которое они в действительности имеют, отчасти потому, что воспринимаемые предметы обладают свойствами, которыми они в действительности обладают. И это позволяет Канту считать свойства эмпирических предметов интересубъективными, хотя они зависят от наших субъективных реакций на них. Конечно, эмпирические трактовки, подобные той, что дает (1), не являются полностью удовлетворительными. Мы были бы более удовлетворены, если бы мы знали, какие независимые от реакции свойства предмета выступают причинами нашей ментальной реакции на него. Но, учитывая убеждение Канта, что мы не можем знать, каковы вещи сами по себе, т. е. что мы никогда не можем знать независимые от реакции свойства, можно сказать, что такого рода объяснения нам недоступны.

91 То, что такие трактовки, как (1), не полностью удовлетворительны, ставит вопрос о том, можно ли понимать упомянутые в этих высказываниях зависимые от реакции свойства как *причины* воздействий на наш ум, посредством которых эти свойства определяются. До этого момента я следил только за тем, чтобы эти свойства могли наличествовать в легитимных *причинно-следственных объяснениях*, и спорным вопросом по-прежнему остается то, является ли *причиной* все, что включается в причинно-следственное объяснение как эксплананс. Хелен Биби (Beebee), к примеру, утверждает, что существуют верные причинно-следственные объяснения, в которых эксплананс не является причиной. Вот один из примеров, которые она приводит на этот счет: «Кеннеди умер, потому что некто выстрелил в него». Хотя истинно, что Кеннеди не умер бы, если бы в него никто не стрелял, объяснение смерти Кеннеди свойством «быть кем-то застреленным» не является установлением ее причины, потому что это вовсе не конкретное событие. Единственной

причиной здесь было бы то, что *Освальд* застрелил *Кеннеди*³³.

92 Можно захотеть занять аналогичную позицию по отношению к трактовке, данной в (1). Хотя кажется истинным, например, что у *A* не было бы ментального состояния с содержанием «*являющийся-кубическим*», если бы предмет не имел свойства (высшего порядка, зависящего от реакции) обладать некоторым свойством (первого порядка, независимым от реакции), которое вызывает в умах людей состояния с таким содержанием; однако можно усомниться в том, что такая контрфактическая зависимость делает это свойство высшего порядка причиной ментального состояния *A*, и настаивать, что только свойство первого порядка, независимое от реакции, можно обоснованно считать причиной этого. Разрешить этот вопрос нелегко. В современной литературе о диспозиционных свойствах ведутся продолжительные дискуссии о том, можно и нужно ли понимать диспозиции как причины своих проявлений, а также какое объяснение диспозиций и причинно-следственного воздействия это подразумевает или же, напротив, исключает³⁴. Также неясно, допускает ли кантовское понятие причины, чтобы диспозиционное свойство, упомянутое в (1), было причиной. В лекциях по метафизике Кант различает два вида причин: *causa efficiens*, которая является «причиной посредством действующей силы», и *conditio sine qua non*, которая является реальным основанием действительности чего-то, хотя ему не хватает этой действующей силы (AA 28: 572; см. также *Reflexion* 3612, AA 17:96). Термин, используемый для причины второго вида, предполагает, что для нее может быть достаточно контрфактической зависимости, и, следовательно, диспозиции будут причинами своих проявлений в смысле *conditio sine qua non*. Вместе с тем пример самого Канта в отношении такого рода причин относится скорее к первому виду³⁵, и неясно, хотел бы он или нет применять данное различие для учета различных смыслов, в каких диспозиции высшего порядка и их категориальные основания первого порядка оказываются причинами. Однако даже если быть здесь осторожными, то это все равно не опровергает предложенную мной интерпретацию. Моей целью было разъяснить тот факт, что мы можем *объяснять* содержание наших ментальных состояний с помощью внешних предметов и их феноменальных свойств. Для решения этой задачи имеет значение истинность положения (1), независимо от того, отказываем ли мы экспланансу (1) в статусе причины своего экспланандума или нет³⁶.

93 Я хотел бы упомянуть еще одно экзегетическое преимущество того предположения, что для Канта эксплананс в положении (1) – т. е. свойство предмета, зависящее от реакции – не имеет статуса причины своего экспланандума, т. е. ментального состояния. С учетом того что Кант говорит о природе представления, последнее должно представлять первое. В знаменитом письме к Марку Герцу Кант отличает эмпирические представления от априорных в том смысле, что отношение первых к предмету не вызывает проблем: «Если представление содержит только тот способ, каким предмет воздействует на субъект, то легко понять, как он может соответствовать субъекту» (AA 10: 130, Кант, 1964, с. 430). С другой стороны, Кант неоднократно напоминает, что заключать от свойств наших чувственных представлений к свойствам предметов, вызывающим их, – весьма проблематично. Он полагает, что любое следование от данного действия к определенной причине не бывает достоверным (A 368), и утверждает, что для него бессмысленна точка зрения, заявляющая о сходстве представления с объектом и предполагающая, что свойства объектов, которые вызывают, например, наши цветовые ощущения, подобны этим представлениям (см. AA 4: 290, Кант, 1994e, с. 45–46). Из этого можно сделать вывод, что Кант отверг бы каузальную теорию ментальных представлений, согласно которой ментальное состояние репрезентирует именно то, что является его причиной. То, что представляют чувства, – это, скорее, «способ, каким предмет воздействует на субъект», который мы отождествили с зависящим от реакции свойством быть таким, чтобы оказывать на субъект определенное воздействие. Если это то, что репрезентируют наши восприятия, то ясно, в каком смысле данное воздействие репрезентирует зависящее от реакции свойство, которое им определяется без какого-либо нелегитимного заключения от специфического следствия к специфической причине. Связь между представлением и его предметом не проблематична именно благодаря тому, что содержание представления и представляемое свойство относятся друг к другу не чисто как следствие и причина, а скорее в определенной концептуальной манере, которая привносится

вместе с зависимыми от реакции свойствами.

94 Давайте, наконец, перейдем к ноуменальной трактовке ментального содержания. Мы уже видели, что между эмпирической и ноуменальной трактовками существует концептуальная связь, поскольку существует концептуальная связь между свойствами предметов в явлении и свойствами, которые эти предметы имеют сами по себе. Обладать зависимым от реакции явленным свойством – значит просто обладать неким свойством, независимым от реакции и характеризующимся некоторым воздействием на нас. Следовательно, когда мы объясняем ментальное содержание явленным свойством, это подразумевает, что оно является результатом некоего независимого от реакции свойства. Если обратить внимание на эту концептуальную связь между эмпирической и ноуменальной трактовками ментального содержания, то можно понять, почему Кант относится как к эмпирическим предметам, так и к вещам самим по себе как к предметам, воздействующим на наши чувства, и допустить, что наша интерпретация гораздо менее загадочна, чем идеи Адикеса о «кантовской теории двойного аффицирования».

95 Предлагаемая интерпретация также позволяет нам совместить кантовские предположения об аффицировании посредством вещей самих по себе с его утверждением о непознаваемости ноуменов. Ведь Кант считал концептуальную связь между эмпирической и ноуменальной трактовками ментального содержания единственным средством, благодаря которому у нас в познании есть доступ к ноуменальной трактовке и к независимым от реакции свойствам, на которых эта трактовка основана. В отличие от наших аналогий с мухоморами и опиумом, где мы можем исследовать природу химических свойств, делающих их ядовитыми или снотворными, независимые от реакции основания пространственно-временных свойств явления в принципе недоступны нам – в силу хорошо известных причин, изложенных Кантом в «Критике чистого разума». Это означает, что ноуменальная трактовка содержания ума по существу неспецифична в заданном выше смысле. Мы можем знать, что у предметов есть *некоторые* свойства, не зависящие от реакции на них и позволяющие им нам являться, но никто никогда не сможет узнать, *что* же это за свойства.

96 Я думаю, что отсутствие специфичности является ядром кантовского утверждения о том, что мы никогда не можем знать вещи сами по себе, а можем знать только их явления. В то время как у нас есть доступ к специфическим свойствам предметов, зависимым от реакции (это значит, мы можем повторно устанавливать их идентичность и следить за ними благодаря их воздействиям на нас, можем вводить для них понятия, можем что-то знать об их отношениях с другими зависимыми от реакции свойствами и т. д.), мы никогда не сможем специфицировать отдельное независимое от реакции свойство и сказать о нем что-нибудь определенное. Мы не только не знаем ничего об общей природе таких свойств, поскольку не знаем, на что похожи свойства, которые не могут быть организованы в пространстве и во времени. Мы ничего не можем узнать даже об условиях их идентичности в случае какого-либо общего описания, потому что, насколько нам известно, одно и то же повторно устанавливаемое свойство явления, зависимое от реакции, может быть основано на совершенно разных свойствах, в свою очередь не зависящих от реакции³⁷. Говоря языком Канта: мы познаем только то, как вещи нам являются, но не то, как они существуют сами по себе. Данное положение полностью согласуется с тем фактом, что мы действительно знаем: неким образом они все-таки существуют сами по себе.

97 Это последнее замечание – ключ к ответу на беспокойство Якоби и Фихте по поводу ноуменального аффицирования, поскольку оно проясняет, как Кант может утверждать нечто определенное о каузальной функции вещей самих по себе и в то же время предполагать, что мы не имеем о них никакого знания. Допущение неспецифической ноуменальной трактовки ментального содержания не противоречит непознаваемости ноуменов. Конечно, можно интерпретировать утверждения Канта о непознаваемости ноуменов более радикально и *привести* их к противоречию даже с неспецифической ноуменальной трактовкой. Можно интерпретировать кантовские заявления о легитимном использовании категорий так, будто последние не должны использоваться вообще *ни в каком* высказывании о том способе, каким вещи существуют сами по себе, даже в неспецифическом высказывании о том, что существует некий способ, создающий причинно-следственное

различие. А еще можно интерпретировать общий философский проект Канта как проект, призванный исключить всякий возможный скептицизм, в том числе скептицизм относительно существования внешнего мира,³⁸ и из этого сделать вывод, что Кант не мог допустить, чтобы источник определенных аспектов наших ментальных содержаний был в некоем предмете вне нас – а скорее предпочел бы ограничиться утверждениями о жизни самого нашего сознания и чувстве пассивности, которое ей иногда сопутствует.

98 Учитывая веские свидетельства текстов Канта в пользу того, что не только «кантианцы»³⁹, но и он сам верил в ноуменальную трактовку ментального содержания, я не думаю, что вышеупомянутые прочтения следует считать реальной экзегетической альтернативой для нас. Гораздо более убедительным будет интерпретировать отрывки, на которых основаны эти прочтения, в таком ключе, чтобы они были совместимы с ноуменальной трактовкой⁴⁰. Ноуменальная трактовка так же тесно переплетена с эмпирической трактовкой ментального содержания, как и кантовское представление о являющемся нам предмете связано с понятием этого предмета самого по себе. И именно эта прочная связь придает кантовскому понятию предмета опыта реалистичный оттенок, ощутимый в первых абзацах «Трансцендентальной эстетики». Как интерпретаторам нам не следует беспокоиться о том, что такой реализм делает опровержение скептицизма относительно внешнего мира более сложным, чем на то мог бы надеяться Фихте. В конце концов, трансцендентальный идеализм был нужен Канту не для того, чтобы опровергнуть скептицизм в отношении ко *всякому* роду знаний о предметах опыта. Он был нужен скорее для того, чтобы объяснить, как мы можем *a priori* знать что-нибудь об этих предметах. В настоящей статье я надеялся показать, что трактовка, предложенная Кантом, совместима с идеей о том, что мы сталкиваемся с миром, который независим от нас и который во многих отношениях определяет то, каким он предстает в нашем опыте⁴¹.

Примечания:

1. Такие авторы, как Люси Эллайс и Колин Мак-Лир, недавно утверждали, что кантовское созерцание вовсе не имеет репрезентационного содержания и что Кант склоняется к реляционалистскому, или наивно-реалистическому, взгляду на восприятие (Allais 2015; McLearn 2016). Хотя эта интерпретация помогла бы избежать главной проблемы, которую я буду обсуждать ниже, есть подозрение, что она способна сделать это только тогда, когда в качестве предварительного условия принимается концепция воспринимаемых предметов и свойств, которая уже сама по себе «слишком реалистична», чтобы быть совместимой с какой-либо формой трансцендентального идеализма. Стивенсон (Stephenson, 2016) утверждает, например, что реляционализм Эллайс относительно восприятия несовместим с ее реляционалистским взглядом на свойства явления.
2. Здесь важно избежать превратного толкования кантовского утверждения о том, что «материя всех явлений дана нам только *a posteriori*, однако форма их целиком должна для них находиться готовой в нашей душе *a priori*» (A 20 / B 34, Кант, 2006б, с. 91). Кант здесь хочет сказать, что общие характеристики пространства и времени являются результатом наших форм созерцания и также, возможно, что конкретные формы «находятся в нашем уме», поскольку свойственные нам формы созерцания определяют, какие конкретные пространственно-временные свойства эмпирические предметы *могут* иметь. Однако то, что некий эмпирический предмет имеет то, а не другое пространственно-временное свойство, очевидно, уже не определяется нашими формами созерцания.
3. Я еще прокомментирую возможное различие между значениями этих двух терминов ниже.
4. См.: Adickes, 1929.
5. Относительно этой и следующих цитат см. «Критику чистого разума», A 19 f. / B 33 f. (Кант, 2006б, с. 89).
6. Современные феноменалистические интерпретации идеализма Канта предложены Гайером, Ван Кливом, Оберстом, Стэнгом – и это лишь некоторые из них (Guyer, 1987; Van Cleve, 1999; Oberst, 2015; Stang, 2015). В коротком тексте Якоби «О трансцендентальном идеализме», который сильно повлиял на всю последующую интерпретацию философии Канта, феноменалистическое прочтение основано в первую очередь на кантовской характеристике трансцендентального идеализма в главе о четвертом парадигме в первом издании «Критики» (см. Jacobi, 2004 [1785], Якоби, 2006). В этой главе Кант задействует различие между явлениями и вещами самими по себе, чтобы сформулировать довольно безыскусный аргумент против скептицизма относительно существования внешнего мира, опирающийся на утверждение, что тела есть «не что иное, как вид моих представлений» (A 370, Кант, 2006а, с. 465), и, следовательно, мы можем быть уверены в существовании тел, «не выходя за пределы самосознания» (A 370, Кант, 2006а, с. 465).
7. Для этого см.: Van Cleve, 1999, p. 165–171; Stang, 2015, p. 5–8.

8. С аналогичной интерпретацией, которая базируется преимущественно на отрывках из второго издания «Критики», можно ознакомиться в моих статьях (Rosefeldt, 2007, 2012). Безусловно, это костяк любой интерпретации трансцендентального идеализма Канта, если только не предполагать, что Кант полностью изменил свои взгляды в период между двумя изданиями первой «Критики» (см. критику моей статьи 2013 года К. де Бур: De Boer, 2014). Хотя я допускаю, что четвертый паралогизм в первом издании, по крайней мере, звучит так, как будто предлагает нам скорее феноменалистическое толкование трансцендентального идеализма, чем то, к которому я склоняюсь, я не думаю, что в этой главе взгляды Канта представлены во всей полноте, как они сложились к 1781 году (очень тонкое и уходящее в реализм прочтение четвертого паралогизма см. : Karampatsou, 2020, глава 4).

9. Я согласен с Буссе в этом вопросе (см. манускрипт). Буссе отстаивает интересную идею о том, что упомянутые отрывки из А-дедукции следует интерпретировать как часть метасемантической теории. Они не вносят никаких корректировок в понимание того, что такое предмет, а скорее вводят необходимые условия для референции.

10. См. полезное понятие «общего опыта», предлагаемое Стэнгом здесь: Stang, 2015, § 2.

11. Аналогичное утверждение содержится в «Пролегоменах» (AA 4:314 f.; см. также AA 4:298, Кант, 1994е, с. 55, 74); во втором издании «Критики», например, во фрагментах В XXVI f. и В 69 f. (Кант, 2006б, с. 29, 131, 133) также можно найти надежное подтверждение двухаспектной интерпретации, согласно которой являющиеся нам предметы и предметы, обладающие свойствами самими по себе, – есть одни и те же предметы.

12. Я несколько отхожу здесь от английского перевода «Критики чистого разума» Гайера / Вуда 1998 года, где «те же самые» ('eben dieselbe') почему-то перевели как «другие объекты» ('other objects').

13. Онтологические интерпретации концепции «двух аспектов» были приняты рядом авторов (см. Эллайс, Allais, 2007, 2015; Коллинз, Collins, 1999; Драйер, Dryer, 1966; Лэнгтон, Langton, 1998, Розефельдт, Rosefeldt, 2007 и, возможно, Адикес, Adickes, 1924). Методологические интерпретации концепции «двух аспектов», как у Праусса и Эллисона, также могут допускать как эмпирическое, так и ноуменальное аффицирование, поскольку они принимают последнее как то же самое отношение, но абстрагированное от наших форм созерцания (см. Prauss, 1974, S. 192–227; Allison, 1994, p. 247–254; Allison, 2004, p. 64–73). Вместе с тем сомнительно, чтобы такое шаткое понятие, как ноуменальное аффицирование, было способным исполнять ту систематическую роль, которой хочет наделить ее Кант (см. эту критику в: Willaschek 2001a; Stang 2015, p. 3, сноска 14).

14. Я думаю, что такой способ задания границ нашего познания создает проблему для недавней попытки Карин де Бур решить проблему эмпирического и ноуменального аффицирования (см. De Boer, 2014). Де Бур утверждает, что рассуждения Канта о предметах, воздействующих на наши чувства, относятся к сфере эмпирического научного дискурса, тогда как его утверждения о трансцендентальном объекте или вещи самой по себе принадлежат его трансцендентальной философии. Де Бур считает, что вопросы о том, воздействуют ли на нас трансцендентальные объекты или вещи сами по себе, – неуместны, потому что тогда мы смешиваем эти две области исследования. Однако кантовское понятие о явлении определенно принадлежит к трансцендентальной философии, и тот факт, что он часто характеризует способ, каким предмет нам является, как способ, каким эти предметы воздействуют на наши чувства, не позволяет нам легко поверить в то, что теория аффицирования также не является ее частью.

15. См.: Johnston, 1989, 1998.

16. См.: Prior, Pargetter, Jackson, 1982.

17. Это свойство вполне может быть дизъюнктивным в том случае, когда несколько независимых от реакции свойств играют одну и ту же роль, будучи причиной этой реакции.

18. Для обозначения существ, по отношению к которым задаются пространственно-временные свойства, Кант в основном использует такие местоимения, как «мы» и «я». Он также иногда пользуется существительным «человек» (например, в А 26 / В 42, Кант, 2006б, с. 99). Важно то, что мы понимаем их как существ, которые действительно обладают нашими формами созерцания. Что касается цветов, Кант, похоже, не думает, что семантика наших высказываний о цветах не основывается на допущении, что мы реагируем похожими цветовыми ощущениями на одни и те же предметы (см. AA 4: 451, AA 7: 168 и В 45; Кант, 1994г, с. 230–231; Кант, 1994а, с. 188–189; Кант, 2006б, с. 103). Например, если «быть кубическим» – это свойство, которое предметы имеют по отношению ко всем существам, в действительности обладающим человеческими формами созерцания, то «быть красным» – свойство, которое каждое отдельное человеческое существо должно приписывать предметам только в отношении к себе самому. Я проигнорирую это различие в дальнейшем.

19. См.: Boghossian, Velleman, 1989, p. 88–91. Проблема здесь не только в том, что анализанс появляется в анализандуме, но и в том, что при этом не удается описать диспозицию как определенное свойство. Ибо, если красный – это диспозиция быть зрительно представляемым красным, то это значит, что, чтобы ею обладать, диспозиция уже должна быть зрительно представима. Следовательно, то, «какая это диспозиция, зависит от того, на какой диспозиции она предопределяет предметы, представляемые, как ею обладающие, – что, в свою очередь, зависит от того, какая это диспозиция» (Velleman, 2009, p. 525). Проблема порочного круга также выступает аргументом против предложения, которое сделал мне Ник Стэнг с целью согласовать мою интерпретацию со своей, согласно которой мы можем понимать любое данное эмпирическое свойство *P* как (зависимое от реакции) свойство обладания неким (независимым от реакции) свойством, благодаря которому познающие субъекты могут иметь «Универсальный Опыт», в котором предмет представлен как обладающий свойством *P*.

20. См.: Peacocke, 1984.

21. См.: Grüne, 2009.
22. Prauss, 1971, S. 13 ff.; Longuenesse, 1998, p. 25; Willaschek, 2001, S. 682 f.
23. См. диссертацию 1770 г. «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира» (AA 2: 394, Кант, 1994д, с. 287) и сочинение Канта на конкурс Королевской академии наук в Берлине 1791 года (AA 20: 269, Кант, 1994в, с. 391–392).
24. См. замечание Канта об упругости воздуха в «Метафизических началах естествознания» (AA 4: 500; Кант, 1994б, с. 288–289).
25. М.Р.: Субъективная значимость будет обозначаться нижним индексом 's', а суждение восприятия – аббревиатурой 'CB'.
26. М.Р.: 'The primitive notion' – речь идет о базовом, начальном понятии, которое не определяется ранее введенными понятиями.
27. Фрагменты А 347 / В 405, А 353 и А 354 (Кант, 2006а, с. 439, 445, 447) подтверждают наше предположение, что Кант считал те ощущения и процесс их упорядочивания, на которых основано содержание ума «являющийся-упругим», доступными только от первого лица.
28. М.Р.: Объективная значимость обозначается нижним индексом 'o', а суждения опыта – аббревиатурой 'CO'.
29. Моя интерпретация обладает определенным сходством с интерпретацией Оберста (Oberst, 2015), но также и значительно отличается от нее. Оберст и я согласны в том, что существует понятие явления, понимаемое как ментальное содержание, и понятие являющегося предмета, который, с другой стороны, также существует и имеет свойства сам по себе. Расходимся мы в том, что я отождествляю являющийся предмет с эмпирическим предметом, или феноменом, тогда как Оберст предпочитает феноменалистическую интерпретацию феноменов как исключительно предметов ума. Обсуждение возражений Оберста против моего отождествления феноменов с являющимися предметами выходит за рамки настоящей статьи, но я, по крайней мере, надеюсь, что привел убедительные аргументы в пользу своей позиции. Следует также отметить, что признание Оберстом концепции «двух аспектов» не помогло ему освободить место для эмпирических трактовок ментального содержания. Хотя касательно того, что Оберст называет «являющимся предметом», он мог бы согласиться с анализом, аналогичным данному в (ICO**), однако этот «являющийся предмет» не был бы, по его мнению, эмпирическим предметом, который мы познаем в чувствах.
30. См. цитаты из А 251 f. и В 306 выше (Кант, 2006а, с. 327; Кант, 2006б, с. 405). В «Основоположениях метафизики нравов» Кант утверждает, что даже обычный рассудок, хотя, возможно, и смутно, схватывает, что с помощью нашей пассивной чувственности мы имеем доступ только к тому, как вещи нам являются, и затем он добавляет: отсюда само собой ('von selbst') следует, что за явлениями мы должны допустить вещи сами по себе (AA 4: 450 f., Кант, 1994г, с. 230–231).
31. М.Р.: Отсылка к эпизоду из третьей интермедии пьесы Мольера «Мнимый больной», представляющей шуточное церемониальное присвоение степени доктора Мнимому больному, изображающему из себя бакалавра: «Первый доктор: / Если домине президентгус / И тотгус кворум извинентгус, / Бакалавра эго поссум / Затруднить одним вопросом: / Кауза и резонус – кваре / Опиум фецит засыпаре? / Бакалавр: / Почтенный доктор инквит: кваре / Опиум фецит засыпаре / Рэспондэс на кое: / Хабет свойство такое – / Виртус снотворус, / которус / Поте силу храпира / Натуру усыпила» (Мольер, 1987, с. 618–619).
32. М.Р.: Экспланандум (лат., *explanandum*) – то, что подлежит объяснению. Эксплананс (лат., *explanans*) – совокупность положений, призванных объяснить экспланандум.
33. Beebe, 2004, p. 302 f.
34. Хороший обзор см. у Мак-Китрик (McKittrick, 2005), где утверждается, что нет никаких, по крайней мере, серьезных причин исключать, что диспозиции могут быть причинами.
35. В примере Канта берется случай выстрела из пушки, где порох выступает *conditio sine qua non*, а солдат, который поджигает фитиль, является *causa efficiens* (AA 28: 571).
36. Следует также отметить, что «кабинетное» философское объяснение (1) – не единственно возможная эмпирическая трактовка ментального содержания. Кантовская концепция (по крайней мере, по своей сущности) открыта, в том числе и для более информативного и научного эмпирического объяснения ментального содержания. Такие объяснения можно было бы дать, если бы мы смогли установить феноменальное свойство эмпирического предмета, которое обуславливает определенную реакцию в уме, но при этом не характеризуется самой этой реакцией. Можно найти отрывки, где Кант говорит о «свете», благодаря которому мы аффицируемся и который является причиной наших ощущений (см.: А 28, Кант, 2006а, с. 61; А 213 / В 260, Кант, 2006б, с. 353 в «Критике чистого разума»; и AA 21: 79, Кант, 2000, с. 564, а также AA 22: 434, Кант, 2000, с. 475–476 – в *Opus Postumum*). Эти отрывки ведут нас к психофизической трактовке, в рамках которой возникновение определенных ощущений мы объясняем наличием определенных физических свойств как причин этих ощущений: например, ощущение красноватости возникает в результате воздействия света с определенной длиной волны (см. также А 226 / В 273, Кант, 2006б, с. 369; AA 22: 551, Кант, 2000, с. 353; AA 21: 583). Не ясно, считал ли в конечном счете сам Кант, что все-таки такие психофизические толкования возможны. (Как показал мне Эндрю Стивенсон, по крайней мере, в

«Антропологии с прагматической точки зрения» (АА 7: 153–160, Кант, 1994а, с. 172–180) Кант довольно открыто соотносит явление с телесными способностями). Но если бы такие трактовки были возможны, они, безусловно, были бы более информативными, чем то, что дано в (1). Дело в том, что хотя для Канта такое физическое свойство, как длина волны, также было бы свойством, зависимым от реакции, его связь с возникновением определенного цветового ощущения не была бы концептуальной в том смысле, в каком концептуальна связь между диспозицией и ее проявлением.

37. Моя трактовка непознаваемости ноуменов хорошо согласуется с тем, что предлагает Карл Шэфер в конце своей статьи, опубликованной в настоящем сборнике (Schafer) [*The Sensible and the Intelligible Worlds. New Essays on Kant's Metaphysics and Epistemology* / ed. by K. Schafer, N. Stang. Oxford : Oxford University Press (в печати) – прим. перев., М.Р.]. Согласно Шэферу, Кант не хочет исключить то, что мы обладаем некоторыми знаниями о вещах самих по себе, скорее, он исключает только то, что мы обладаем познанием о них, условия которого более строгие, чем в первом случае, и подразумевают способность различения и повторного установления их идентичности. Из того, что я сказал, следует, что мы не обладаем достаточными способностями по отношению к свойствам первого порядка вещей самих по себе и, следовательно, мы не можем познать их, или – выражаясь языком концепции «двух аспектов» – не можем познать их в том виде, как они есть сами по себе.

38. См. сноску под номером 6 выше.

39. М.Р.: Отсылка к ранее приведенной цитате Фихте.

40. Более подробный критический разбор якобианско-фихтеанского понимания непознаваемости ноуменов и ответ на него см. в моем тексте: Rosefeldt, 2012.

41. Эта работа изначально была представлена в марте 2014 года на Кантовском семинаре в Майами. Ее ранняя версия, в которой по-другому была представлена характеристика ментальных реакций и не было того, что изложено сейчас в пятой части, доступна в Интернете под заголовком «Трансцендентальный идеализм и апостериорное содержание опыта» (*Transcendental Idealism and the A Posteriori Contents of Experience*). Я благодарю участников семинара в Майами, а особенно редакторов этого сборника и Эндрю Стивенсона за очень полезную критику и комментарии.

Библиография:

1. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 7. С. 137–376.
2. Кант И. Критика чистого разума, 1-е изд. (А) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006а. Т. 2, ч. 2.
3. Кант И. Критика чистого разума, 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006б. Т. 2, ч. 1.
4. Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 4. С. 247–372.
5. Кант И. О вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академией наук в 1791 году: какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 7. С. 377–469.
6. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994г. Т. 4. С. 153–246.
7. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994д. Т. 2. С. 277–320.
8. Кант И. Письмо к Марку Герцу. 1772 год // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 2. С. 428–436.
9. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994е. Т. 4. С. 5–152.
10. Кант И. Opus Postumum // Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», Opus postumum) / Отв. ред. В.А. Жучков, пер. с нем. В.В. Васильева, С.А. Чернова. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 323–588.

11. Мольер Ж.-Б. Мнимый больной // Полное собр. сочин. : в 3 т. М. : Искусство, 1987. Т. 3. С. 531–624.
12. Фихте И. Г. Второе введение в наукоучение для читателей, уже имеющих философскую систему // Сочинения : в 2 т. СПб. : Мифрил, 1993. Т. 1. С. 477–546.
13. Якоби Ф. Г. О трансцендентальном идеализме / И. Г. Гаман, Ф. Г. Якоби ; сост., пер., прилож., примеч. С. В. Волжина // И. Г. Гаман, Ф. Г. Якоби *Философия чувства и веры*. СПб.: Академия, 2006. С. 198–205.
14. Adickes E. *Kants Lehre von der doppelten Affektion unseres Ichs als Schlüssel zu seiner Erkenntnistheorie*. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1929.
15. Adickes E. *Kant und das Ding an Sich*. Berlin: Pan Verlag Rolf Heisse, 1924.
16. Allais L. Kant's Idealism and the Secondary Quality Analogy // *Journal of the History of Philosophy*. 2007. Vol. 45. № 3. P. 459–484.
17. Allais L. *Manifest Reality. Kant's Idealism and his Realism*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
18. Allison H. *Kant's Transcendental Idealism*. New Haven: Yale University Press, 1994, 2004.
19. Beebe H. *Causing and Nothingness // Causation and Counterfactuals* / ed. by J. Collins, N. Hall and L. Paul. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2004. P. 291–308.
20. Boghossian P., Velleman D. Color as a Secondary Quality // *Mind*. 1989. Vol. 389. № 98. P. 81–103.
21. Busse R. *Transzendentalphilosophie als Metasemantik. Kants Transzendentaler Analytik ist eine Theorie der Konstitution der denkenden Bezugnahme auf reale Gegenstände (35 Manuskriptseiten) // Philosophie als Wissenschaft* / ed. by E. Eschmann, N. Lott. Hildesheim: Olms. (im Erscheinen)
22. Collins A. *Possible Experience. Understanding Kant's Critique of Pure Reason*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1999.
23. De Boer K. Kant's Multi-Layered Conception of Things in Themselves, Transcendental Objects, and Monads // *Kant-Studien*. 2014. Vol. 105. № 2. P. 221–260.
24. Dryer D.P. *Kant's Solution for Verification in Metaphysics*. London: George Allen & Unwin, 1966.
25. Fichte J. G. *Versuch einer neuen Darstellung der Wissenschaftslehre // Gesamtausgabe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften* / hg. von R. Lauth und H. Gliwitzky. Stuttgart-Bad Cannstatt: Friedrich Frommann Verlag, 1970. Band I, 4.
26. Grüne S. *Blinde Anschauung. Die Rolle von Begriffen in Kants Theorie sinnlicher Synthesis*. Frankfurt am Main: Klostermann, 2009.
27. Guyer P. *Kant and the claims of knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
28. Jacobi F. H. *Ueber den Transscendentalen Idealismus // Werke – Gesamtausgabe* / hg. von K. Hammacher, W. Jaeschke. Felix Meiner Verlag: Hamburg, 2004. Band 2, 1: *Schriften zum transzendentalen Idealismus* / Hg. von W. Jaeschke und I.-M. Piske. P. 103–112.
29. Langton R. *Kantian Humility. Our Ignorance of Things in Themselves*. Oxford: Clarendon Press, 1998.

30. Longuenesse B. Kant and the Capacity to Judge: Sensibility and Discursivity in the Transcendental Analytic of the Critique of Pure Reason / trans. Ch. T. Wolfe. Princeton: Princeton University Press, 1998.
31. Johnston M. Are Manifest Qualities Response-Dependent? // *Monist*. 1998. Vol. 81. № 1. P. 3–43.
32. Johnston M. Dispositional Theories of Value // *Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes*. 1989. Vol. 63. P. 139–174.
33. Karampatsou M. Der Streit um das Ding an sich. Ein neuer Blick auf Kants erste Leser (Dissertation an der Philosophischen Fakultät der Humboldt-Universität zu Berlin). Berlin, 2020.
34. McLear C. Kant on Perceptual Content // *Mind*. 2016. Vol. 497. № 125. P. 95–144.
35. McKittrick J. Are Dispositions Causally Relevant? // *Synthese*. 2005. Vol. 144. № 3. P. 357–371.
36. Oberst M. Two Worlds and Two Aspects // *Kantian Review*. 2015. Vol. 20. № 1. P. 53–75.
37. Peacocke Chr. Colour Concepts and Colour Experience // *Synthese*. 1984. Vol. 58. № 3. P. 365–381.
38. Prauss G. Erscheinung: ein Problem der Kritik der reinen Vernunft. Berlin: de Gruyter, 1971.
39. Prauss G. Kant und das Problem der Dinge an Sich. Bonn: Herbert Grundmann, 1974.
40. Prior E. W., Pargetter R., Jackson F. Three Theses about Dispositions // *American Philosophical Quarterly*. 1982. Vol. 19. № 3. P. 251–257.
41. Rosefeldt T. Dinge an sich und der Außenweltskeptizismus. Über ein Missverständnis der frühen Kant-Rezeption // *Self, World, and Art. Metaphysical Topics in Kant and Hegel* / ed. by D. Emundts. Berlin, Boston: de Gruyter, 2012. P. 221–260.
42. Rosefeldt T. Dinge an sich und sekundäre Qualitäten // *Kant in der Gegenwart* / ed. by J. Stolzenberg. Berlin, New York, 2007. P. 167–209.
43. Schafer K. Kant's Conception of Cognition and our Knowledge of Things-in-Themselves // *The Sensible and Intelligible Worlds. New Essays on Kant's Metaphysics and Epistemology* / ed. by K. Schafer, N. Stang. Oxford: Oxford University Press. (forthcoming)
44. Stang N. Who's Afraid of Double Affection? // *Philosophers' Imprint*. 2015. Vol. 15. № 18. P. 1–28.
45. Stephenson A. Relationalism about Perception vs. Relationalism about Perceptuals // *Kantian Review*. 2016. Vol. 21. № 2. P. 293–302.
46. Van Cleve J. Problems from Kant. New York: Oxford University Press, 1999.
47. Velleman D. Quality, primary/secondary // *A Companion to Metaphysics* / ed. by J. Kim, E. Sosa, G. Rosenkrantz. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 224–226.
48. Willaschek M. Affektion und Kontingenz in Kants transzendentalen Idealismus // *Idealismus als Theorie der Repräsentation?* / ed. by R. Schumacher. Paderborn: Mentis, 2001a. P. 211–231.
49. Willaschek M. Die Mehrdeutigkeit der kantischen Unterscheidung zwischen Dingen an sich und Erscheinungen. Zur Debatte um Zwei-Aspekte- und Zwei-Welten-Interpretation des transzendentalen Idealismus // *Akten des IX. Internationalen Kant-Kongresses* / ed. by V. Gerhard, R.P. Horstmann, R. Schumacher. Berlin, New York: De Gruyter, 2001b. Bd. 2. S. 679–690.

Being Realistic about Kant's Idealism (Translated by M. Rouba)

Tobias Rosefeldt

*Humboldt-Universität zu Berlin
Germany, Berlin*

Abstract

This paper deals with the question of whether Kant's transcendental idealism allows for an explanation of the a posteriori aspects of mental content by the properties of empirical objects. I first show that a phenomenalist interpretation has severe problems with assuming that we perceive an object as being red or as being cubical partly because the perceived object is red and cubical, and then present an interpretation that allows us to save the realistic intuition behind these claims. According to this interpretation, Kantian phenomenal properties are understood as response-dependent properties of extra-mental objects that also have to have some response-independent (in-itself-) properties. I show that this interpretation is well supported by Kant's remarks about the transcendental object in the A-edition of the first *Critique* and that it also makes intelligible why Kant took explanations of mental content by means of empirical properties to imply an explanation by means of noumenal properties without thereby violating his own doctrine of noumenal ignorance. This not only allows us to establish a realistic reading of Kant idealism but also to discern the true kernel in Adickes' infamous talk about Kant's theory of double affection.

Keywords: Kant's transcendental idealism, realism, content of experience, mental state, response-(in)dependent property, transcendental object, appearance, thing in itself.

Date of publication: 12.08.2021

Citation link:

Rosefeldt T. Being Realistic about Kant's Idealism (Translated by M. Rouba) // Studies in Transcendental Philosophy. – 2021. – V. 2. – Issue 1 [Electronic resource].

URL: <https://transcendental.ru/s271326680015447-1-1/> (circulation date: 21.10.2021). DOI: 10.18254/S271326680015447-1